

Договорился о беседе с министром Раймондом Паулсом, а не смог сразу определить тему — о чем говорить? — пока не услышал новую песню композитора Раймонда Паулса на слова Евгения Евтушенко. Потрясли такие слова: «дай бог не вляпаться во власть...» Суть этой строки еще недавно соответствовала умонастроению композитора, а уже почти полтора года он представитель многократно раскритикованного аппарата. Вот и тема беседы: художник и власть.

— Насколько я знаю, Раймонд Волдемарович, на бюрократической, или, как мы сейчас говорим, на управленческой должности вы никогда не были. Самая высокая для вас руководящая — и та творческая — музыкальный редактор Гостелерадио Латвийской ССР. Согласившись на министерский пост, вероятно, думали, что теперь-то, когда административно-командной системе предкается скорый уход со сцены, помогите взорвать ее изнутри. И вот вы — одно из звеньев этой самой системы...

— Работая, как привык. Да, система давит, но своим меня никогда не сделает, потому что всю жизнь с нею боролся, выработал уже иммунитет. Действительно надеялся на возможность борьбы изнутри, — чтобы эффективно делать дело, чтобы дать возможность делать его другим и тем самым сделать шаг к созданию нормальных условий для становления культуры в любой — я подчеркиваю это, — в любой сфере человеческой деятельности. Я — человек далеко не самонадеянный, особенно не обольщался. Но возможностью и сейчас у меня не намного больше, да и единомышленники появились.

Любим делом должны заниматься профессионалы. Но одно дело — возглавлять какую-то промышленную или финансовую, транспортную отрасль, и совсем другое — наша сфера. Этот год с небольшим показал, насколько трудно профессионалу быть министром культуры. На все наше бескультурье, на весь наш непрофессионализм, в том числе и на профессиональную сцену, и на эстраду — ох как тяжело смотреть глазами профессионала. Не слишком искушенному в искусстве любителю куда легче, как теперь выражаются, лапшу на уши навесить. Народный артист для меня, предположим, в опере не просто звание, это — гарантия мастерства и отличной формы, а для не-профессионала — как наш отечественный «знак качества» — человек, дескать, ослепленный, икона. Я выхожу из театра и задумываюсь, как сделать его профессиональней.

Отчитываться мне пока рано. Могли лишь сказать, что сделал попытку по-другому подойти к этой работе, определить, что же такое министр культуры, чем он должен и чем не должен заниматься. Уже это позволяет мне по крайней мере не заниматься текущей.

— Это немало для каждого, тем более для министра. Так чем он должен заниматься?

— Писать музыку — это дело композитора Раймонда Паулса, при должности он или вольный художник. А вот создавать условия для творчества артистов, художников, композиторов — это уже дело министра Раймонда Паулса. Он должен заботиться о постоянном поддержании культурного состояния общества, стремления людей быть лучше, интеллигентнее, осваивать лучшие достижения человеческого духа. Чтобы в обществе появлялось все больше людей, способных к творчеству в любой сфере, чтобы в обществе было больше людей, способных понять и оценить их усилия.

Реальная культура, согласитесь, находится не в музеях, архивах, библиотеках, не в театрах и концертных залах — это лишь ее символы. Реальная культура в самом человеке. Нет культуры в человеке — не нужны и символы. И ему самому, и обществу.

Собственно говоря, отсюда у нас и пустые музеи, и полупустые залы на концертах симфонической музыки, и запущенные библиотеки, и погнившие книги, и разрушающиеся дворцы, великие памятники культуры прошлых эпох. Тому обществу, что мы построили, не нужны были символы культуры, отсюда и проклятый остаточный принцип. И если мы вдруг расщедрились, что пока маловероятно, понастроим дворцов, театров и библиотек, они останутся не востребовавшими, если не воспитаем другого человека. Слишком долго мы жили мифом о новом человеке будущего, а на его фоне возник тип потребителя, сформировавшийся на обрыве национальных и общечеловеческих духовных связей, на изломе традиций гуманистической культуры. Отсюда и поистине агрессивное разрушение красоты, подрыв нравственных ценностей и устоев.

— Нарисовав столь мрачную картину, вы словно обосновываете свое поражение как министра культуры. А ведь, учитывая нынешнее состояние общества, издержки культурной среды, доминирование материальных ориентации, нужны поколения высококомпетентных и деятельных министров культуры, чтобы достичь желаемого результата.

— Смешно требовать уже сегодня создать человека высокой культуры

Потребуется не менее полувека, чтобы вернуться хотя бы на прежний уровень интеллигентности, не говоря уже о том, чтобы пойти вперед.

Хотелось бы в своей практике, а моя карьера уже в апреле, когда будет формироваться новое правительство республики, может завершиться, хотя бы закрепить начало приведения в порядок культурной среды. Что создает культурный облик города? Музеи, театры, концертные залы, библиотеки, архитектура, памятники культуры?.. Если они не запущены и в функциональном состоянии — уже полдела. Культурная среда, активная забота о ней воспитывают человека естественным путем. В городе должны быть ухоженные дома, хорошие магазины, кафе, спокойные, благополучные, радужные и внимательные люди. Весь этот комплекс должен быть красивым, элегантным, ухоженным. Хватит ли моей жизни на это? Вряд ли. Но ведь кто-то когда-то с чего-то должен начать!

— С чего?

— Не только с борьбы с бюрократической системой, но и с результативной работы в ней, пока не создана новая. Результат будет лишь в том случае, если каждый из нас почувствует себя свободным в своих решениях и действиях, ответственным за них. Уже тем самым мы подрываем систе-

Раймонд Паулс:

«ДАЙ БОГ НЕ ВЛЯПАТЬСЯ ВО ВЛАСТЬ»

му, которая сделала нас несчастными, лишила инициативы. Мы не динамичны, неповоротливы, ленивы, мы индифферентны. Психологически ведь куда труднее быть свободным, чем винтиком. Даже я, человек в общем-то независимый, ловлю себя иногда на мысли, что жду указания, хотя знаю — никто за меня решение не примет. Если при Чехове человек всю жизнь должен был выдавливать из себя раба, то мы еще должны выдавить из себя и бездельника, и нахлебника, вернуть чувство собственного достоинства.

У министерства есть институт повышения квалификации, есть техникум культпросветработы, методический кабинет. Чем они занимаются? Нужны-то не списки якобы прошедших «подготовку и переподготовку». Нужны специалисты, осознающие проблемы, умеющие организовать их решение. Важно и другое: создать в нашей сфере обстановку творчества и ответственности, чтобы человек способный и ответственный работал, а безынициативный формалист, каких еще немало, сам почувствовал свою неуместность и несостоятельность.

Сейчас разрабатываем новую концепцию музейного дела. Ясно, что совершенно иными должны быть мемориально-исторические музеи — Революции и Красных латышских стрелков. Они должны представлять исторический процесс во всей его объективной полноте. Там нужны не односторонние иконоostasии, а все непосредственные участники исторических событий. Те, кто стрелял и в кого стреляли, кто победил и кого победили, за счет чего и ради чего победили. Такой музей станет местом, где человек будет размышлять о времени и о себе.

Основное мое горе — строительные дела. Есть заместитель министра по строительству, строительное управление, научно-реставрационное подразделение, а все театры, библиотеки, клубы запущены, требуют капитального ремонта. У Валмиерского театра нет своей сцены, построили мы за послевоенные годы только один Художественный театр, который фактически потребовал реконструкции сразу же после открытия. Все мы рабы этой могучей и самой немощной «строительной индустрии», у которой нет сколько-нибудь эффективной методики строительства именно объектов культуры. Без личных связей в стену казенного здания никто кирпича не положит.

Добиваться хотя бы небольшого, но результата трудно: авторитет административно-командной системы мы подорвали быстрее, чем создали новую структуру управления. Сейчас даже решения правительства отдельными начальниками вполне беззаконно игнорируются. Совмин республики уже давно принял постановле-

ние о передаче Театру русской драмы прилегающих к нему помещений для создания там мастерских, складов реквизита, прошли все сроки, а генеральный директор швейного п/о «Латвия» выполнять постановления правительства и не собирается. И ничего!

Прочитал в газете: программу «Культура-2005» о перспективном развитии отрасли в республике обсудило бюро Рижского горкома партии. А по моему глубокому убеждению, горком культурой не очень озабочен, утратив все связи с творческой интеллигенцией и игнорируя ее предложения и устремления. Дошло до того, что партактив творческих организаций по этой причине принял решение отозвать из горкома двух еще оставшихся там своих представителей. И вообще больше говорят о борьбе за власть. Да ведь и так власть у партии, зачем тратить время на бесплодные споры и обещания, не лучше ли делом способствовать созданию благоприятной культурной и социальной среды в городе? Именно в столице республики — средоточие проблем, связанных с улучшением материальной базы, созданием условий для подготовки кадров. Учащиеся школы прикладного искусства занимаются в сыром подвале, где полно крыс, а здание, специально выстроенное в свое время для них, получить не можем: оказывается, важнее здесь готовить слесарей да каменщиков, чем резчиков по дереву, художников по металлу, специалистов по реставрации. Наш аргумент, что многие из них станут рабочей интеллигенцией, никого не убедили.

Сегодня журналисты меня только и спрашивают: почему не реставрируется Национальная опера, почему не строятся госбиблиотека, тот же концертный зал?.. И совсем не спрашивают: почему снизился художественный уровень в наших театрах, почему публика перестала ходить на симфонические концерты или чем живут культработники на селе...

— А почему все-таки не реставрируется Национальная опера? Наша газета в свое время сообщила, что польские специалисты начнут работы в июле еще прошлого года, а труппа и этот сезон начала в том же здании?

— Польские реставраторы решили нам поставить вдруг другие условия — только за конвертируемую валюту. Были новые и нелегкие переговоры. Нам удалось их убедить, что за валюту найдутся не менее квалифицированные реставраторы, в частности, из скандинавских стран. Но год мы потеряли...

— А что вы ответите на те вопросы, которые задаются министру значительно реже?

— Здесь, честно говоря, у меня самого пока больше вопросов, чем ответов. Все дело в характере взаимоотно-

шений общества и творца. Сталинская система и ее преемники не нуждались в творцах. Творчество — это инициатива, а она не только не поощрялась, но и наказывалась. Из общества жестоким и безразличным путем изымались люди, составлявшие сокровищницу любой национальной культуры. Не востребовался и талант тех, кто остался в стране. Задумаемся: ведь это же наше, советское изобретение — писать в стол. А ведь то, что не востребуется, перестает и рождаться. Талантливые люди были, есть и будут. Но они постепенно хиреют. Написать в стол можно одну книгу, две... Кстати, и талант трудиться несмотря ни на что утрачивается. Это когда-то Шостакович свои замечательные патристические симфонии создавал в блокаде Ленинграда, а Пастернак сажился за письменный стол даже в дни самой жестокой травли. Сегодня же наша творческая интеллигенция считает себя вправе отложить стило и кисть за с головой уйти в политику. И на собрании партийного актива латвийских творческих организаций красиво все говорили, умно, страстно. Но ведь ни слова о своем деле! И сколько это будет продолжаться? Сколько мы будем публиковать, ставить и выставлять из некоего написанного в стол? Когда же мы предьявим народу то, что создано в условиях столь долгожданной творческой свободы? Боюсь ответа на этот вопрос — его нет.

Возьмем кино. Вся свобода творчества пока содрана лишь на то, чтобы показать секс и проституток. Но тут мы своих западных коллег никогда не переполним. Поразительно, в пору статистики снимались картины, которые и поныне нам делают честь. Тогда их клали на полку. А сейчас мы спорим, можно ли с экрана крыть матом. И это шедевр?

Как-то мы показали шведским импресарио двухчасовой концерт со многими участниками, чтобы собрать программу для гастролей, — заинтересовали шведов лишь единицы. Нужны мастера самого высокого класса, настоящие профессионалы. И поэтому тоже мы столь охотно пошли на подписание договора о культурном сотрудничестве со Швецией, укрепляем контакты с Финляндией, Данией, намерены развивать их с другими западными странами. Пусть наши мастера искусств узнают себе цену на международном рынке шоу-бизнеса, это поможет становлению профессионализма, поможет и унять амбиции.

А пока, куда ни кинь, титулованные особы — народные, заслуженные, перезаслуженные. Предельно довольные собой, несмотря на то, что уже давно потеряли моральное право на свои титулы. Но попробуй такого тронь или хотя бы скажи об этом!

И это касается не только людей творческого труда — актеров, музыкантов, художников, но и функционе-

ров, многие из которых лишь делают вид, что все еще функционируют. Сколько раз убеждался: наши законы — на пользу возмнившей о себе посредственности, ленивой умом и душой. И против таланта.

Сейчас республика живет в условиях экономической самостоятельности да фактически и политической тоже. Принят ряд новых, очень нужных законов, но непосредственно до законодательства по культуре руки не дошли. В марте мы намерены провести форум работников культуры. О политике, вопреки сложившейся уже традиции, говорить не будем. А вот о конкретных наших делах речь пойдет — о законодательской инициативе, о том, как жить дальше. Кое-что предложим и мы, работники министерства, но хочется выслушать людей, прежде чем принимать концептуальные решения.

— Политика идет вперед творчества. Пресса, выступления на сессиях и митингах подбрасывают сюжеты покруче Шекспира... Искусство, выходит, не выполняет своего предназначения. Оттого, может, многие охотно меняют вечер в концертном зале или театре на телерепортаж с митинга. Так что же, отыскать и поставить во главу творческого процесса творческие личности, создать им условия для нормальной работы, и тогда положение изменится к лучшему?

— Ох как просто! Где найти таких людей? Еще сложнее создать им условия для творчества. Да и что это должно быть? Рай? Он расслабляет. Ад? Он убивает. Вот думаю, как Николай Губенко справится с Большим театром, с его коммерциализацией, с амбициями титулованных. Там ведь надо наводить порядок железной рукой. Кто любит сейчас это словосочетание — «железная рука»? Передо мной такие же проблемы.

Перестройка сняла с министра обязанность диктовать художнику, что и как творить. Мы не вмешиваемся.

Хотя иногда и задумаешься, хорошо или плохо это? Позволительно все же или более того — нужно ли вмешиваться в творческий процесс? Кому можно и кому нельзя? Уже говорил, что, несмотря на полную свободу, многие процессы в искусстве идут в нежелательном направлении. И что, не вмешиваясь, наблюдая безучастно на концертной эстраде, пошлость в театре? Ждать, пока вмешиваться будет поздно? А коли вмешиваться, то как? С одной стороны, министерству не пристало подменять цензуру, стать контролирующей инстанцией. И в то же время, если мы профессионалы и нам поручена эта работа, разве мы не имеем права спросить, куда в конце концов уходят государственные деньги?

Как привести в порядок театральное дело в Латвии? Наши театры росли, труппы — по шестьдесят, по восемьдесят человек — никто в мире не может содержать. А большинство актеров не зная, или — от случая к случаю. Сидят на небольших зарплатах, но сидят — выручают гонорары на радио, телевидении, в кино, встречи со зрителями. Отсюда и интриги, лишь бы сохранить формальную причастность к театру. Выход один, проверенный во всем мире, — договорная, контрактная система. Уверен, рано или поздно мы к ней обратимся.

— Раз уж речь зашла о творческих союзах, не могу не спросить о характере взаимоотношений министерства с их руководством — власти и художника, если так можно выразиться. Находятся ли союзы в русле перестроенных процессов в культуре, в какой мере способны они вопреки в человеке?

— Вопрос на засыпку. У них, конечно же, есть свои планы работы, согласно которым организуются встречи со зрителями, выставки, концерты. Проводятся пленумы, творческие отчеты, но заметного влияния на творчество, на пропаганду искусства, традиций, по-моему, не оказывают. Не в состоянии союзы подчас решить даже свои внутренние проблемы.

Мне не по душе элитарная тенденция в подходе к оценке творчества, наметившаяся сейчас в ряде союзов. Воспринимаются лишь авторы, кто пишет как бы для будущего или в лучшем случае на уровне понимания нынешней элиты от искусства. Те же, кто работает на уровне восприятия большинства, — игнорируются, подвергаются ostracismu. Характерно, что первых при этом не интересует культурное просвещение — слушают ли, смотрят ли, читают ли их сегодня. Допустимо ли подобное высокомерие в искусстве? Вряд ли оно вяжется с обликом человека высокой культуры.

Честно говоря, словосочетание «творческий союз» приводит меня в недоумение. Знаю, что такое творческий человек, а что такое творческий союз, мне неизвестно. Союз творцов?

Ради чего? Чтобы удобнее было ими помыкать сверху? Ради того, чтобы выбить квартиру, дачу, путевку за границу?

Прочитал стенограмму дискуссии на пленуме Союза писателей РСФСР — страшно стало. И это интеллигенция? Не очень-то далеко ушли и наши писатели: перевыборы председателя вылились в сведение счетов. Ушел Янис Петерс, талантливый человек, уважаемый в республике, известный в стране, а вместо «спасибо» за сделанное за много лет для того же Союза писателей. Для республики — полили грязью. И это интеллигентно?

Если мы пойдем, наконец, что талант — это, национальное достояние, будем его уважать, по достоинству оплачивать творческий труд, художники и сами перестанут нуждаться в таком искусственном образовании, как «творческий союз».

Конечно, при нынешнем состоянии с финансами в стране ждать улучшения в этом плане пока не приходится. Поэтому, на мой взгляд, нужно всячески поощрять меценатство — кооперативов, государственных предприятий, частных лиц.

— Идея национального возрождения в республике была впервые сформулирована творческой интеллигенцией, создавшей впоследствии и Народный фронт Латвии. Это был протест вызванный и стимулированный перестройкой, направленный, в частности, против ассимиляции культур во многом через нивелирование и подавление национальных.

— В ответе за межнациональную вражду — сталинизм, административно-командная система, бездумно срывающая людей с насиженных мест, разбросавшая их по свету. Да, нам, латышам, трудно забыть тех, кто стал ее жертвами, тысячи депортированных в Сибирь. Трудно смириться и с ущемлениями, которым подвергалась национальная культура. Но неправомерно переносить эти обиды на русских вообще.

Однако ни русские, ни тем более русская культура не угнетали латышскую. Эта система одинаково угнетала и русских, и латышей. Причем у нас в республике — зачастую руками самих же латышей. Сейчас большинство моих земляков сознают это вполне. В то же время лицо и большее понимание национальных устремлений латышского народа со стороны русскоговорящих. Поэтому, уверен, пик межнациональных раздоров и конфликтов у нас уже позади.

Впереди (не буду говорить о политике, здесь проявляются различные подходы к решению тех или иных проблем со стороны различных движений и партий или групп даже в одной партии), мне думается, время органичного взаимодействия культур, рано или поздно оно наступит. Важную роль, уверен, здесь сыграют национальные культурные общества, активно действующие уже сейчас. Кстати, подобные общества беспрепятственно функционировали в довоенной Латвии, были тогда и национальные школы, отмечались национальные праздники многих народов, проживающих на этой территории.

Несмотря на огромный ущерб, нанесенный ранее латышской национальной культуре, нам удалось сохранить ее по крайней мере в своей основе. Сейчас как министр, как гражданин своей республики буду поддерживать все то, что связано с ее возрождением, с выживанием нации. Но буду решительно противостоять всему, что вело бы к угнетению культур других народов, всему, что способствует появлению межнациональных трений. Да, я латыш по происхождению, но я не националист. Всегда считал, что национализм и культура — явления взаимоисключающие.

Мне понравилась мысль, высказанная новым министром культуры СССР Николаем Губенко в «Советской культуре»: культурная политика в стране должна координироваться национальными традициями. Мы ведь и ценны друг для друга тем, что разные, и эти особенности надо научиться сохранять. Нельзя всех давить среднеарифметическими представлениями и нормативами, надо с одинаковым уважением относиться и к дугу, и к гуслям, и к бандуре, и к кокле. Словом, если союзное министерство займет такую позицию на практике, уверен, сообща мы сможем выработать конструктивные подходы к решению любых проблем.

— И последний вопрос: приобрести министра, не потеряем ли мы композитора?

— Никто мне не поверит, если скажу, что эта должность благоприятствует творчеству, вдохновляет. Чтобы сесть к роялю, надо преодолеть небывалую усталость, а подчас и раздразнение против бюрократического стиля, против некомпетентных порой сослуживцев и начальников да и против себя. К тому же, как я уже говорил, мне вовсе не по душе то, что делается сейчас на эстраде, совсем не хочу докучаться до уровня «искусства» во дворцах спорта. Но кое-что делаю, хотя и не люблю об этом распространяться.

— Спасибо за беседу.

Эдуард ГОВОРУШКО.

(Наш соб. корр.).

РИГА.

Фото Н. Самойлова.